

систематической пропаганды системы ценностей советского общества, а также атеистическое воспитание. Одним из важнейших вопросов культурной и идеологической работы стала ликвидация неграмотности женщин-западниц. За период с 1945 по октябрь 1950 гг. в западных областях республики было обучено 159732 неграмотных и 224180 малограмотных женщин, что составляло 80% от числа неграмотных женщин [10, л. 8]. Основной формой идеологического воздействия являлись женсоветы и делегатские собрания, которые одновременно играли большую роль в развитии общественной активности женщин. К концу 1950 г. в западных областях республики было создано 1258 делегатских собраний с охватом в них 41899 женщин-делегаток [8, л. 172]. Докладные записки, сообщения и отчеты женотдела ЦК КП(б)Б свидетельствуют, что вопрос «О выдвижения женщин на руководящую работу» неоднократно становилось предметом специального обсуждения совещаний областных и районных женотделов [12, л. 141; 10, л. 5]. Деятельность ЦК КП (б)Б и самих женотделов давала свои результаты. В тоже время архивные материалы констатируют озабоченность советского руководства малочисленностью женщин на руководящих должностях и ответственных постах и указывают насколько медленно, несмотря на попытки административного стимулирования, шло выдвижение женщин на руководящую работу. В частности, как отмечается в справке женотдела о об итогах работы в 1950 г., «за три месяца после принятия постановления ЦК КП(б)Б от 8 августа 1950 г. «О мерах улучшения политико-массовой работы среди женщин и выдвижения их на руководящую работу» количество женщин руководящих работников не увеличилось, а даже уменьшилось» [8, л. 171].

Таким образом, документы женотдела ЦК КП(б)Б за 1946–1954 гг. включают разнообразную по своему содержанию информацию, характеризующую женскую повседневность в первые годы после Великой Отечественной войны, как в западных областях страны, так и в республике в целом. Докладные записки, сообщения и отчеты работников женотделов ЦК, обкомов и райкомов КП(б)Б освещают деятельность отделов по работе среди женщин, партийных организаций и советских органов по реализации государственной политики, направленной на развитие различных сфер повседневной жизни женщин, дают возможность проследить влияние политических решений органов власти на женскую повседневность в первые послевоенные годы. Этот корпус архивных источников позволяет всесторонне исследовать социальную и производственную активность женского населения, в определенной степени реконструировать поведенческие настроения самих женщин.

1. Марченко, И.Е. Трудовой подвиг рабочего класса Белорусской ССР (1943 – 1950 гг.) / И.Е. Марченко. – Минск, 1977. – 248 с.
2. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 4-п. Оп. 49. Д. 11.
3. НАРБ. – Ф. 4-п. Оп. 49. Д. 14.
4. НАРБ. – Ф. 4-п. Оп. 49. Д. 16.
5. НАРБ. – Ф. 4-п. Оп. 49. Д. 18.
6. НАРБ. – Ф. 4-п. Оп. 49. Д. 20.
7. НАРБ. – Ф. 4-п. Оп. 49. Д. 21.
8. НАРБ. – Ф. 4-п. Оп. 49. Д. 25.
9. НАРБ. – Ф. 4-п. Оп. 49. Д. 27.
10. НАРБ. – Ф. 4-п. Оп. 49. Д. 30.
11. НАРБ. – Ф. 4-п. Оп. 49. Д. 31.
12. НАРБ. – Ф. 4-п. Оп. 49. Д. 32.
13. Николаева, И.В. Женщины Беларуси в послеоккупационный период Великой Отечественной войны / И.В. Николаева // Победа – одна на всех: материалы международной научно-практической конференции, Витебск, 24 апреля 2014 г. / ВГУ имени П.М. Машерова; редкол.: А.И. Жук и А.А. Коваленя (отв. ред.) [и др.] – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2014. – С. 272–274.

Булыгина Т.А.

**ОБРАЩЕНИЯ И ЗАЯВЛЕНИЯ ГРАЖДАН ВО ВЛАСТЬ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА КАК ВИД ДЕЛОПРОИЗВОДСТВЕННЫХ
ИСТОЧНИКОВ И ИНФОРМАЦИОННЫЙ РЕСУРС
ПО ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ**

Возможности компаративного источниковедения позволяют исследователю раскрыть эволюцию того или иного вида письменных источников как в синхронном контексте всеобщей и национальной истории, так и при асинхронном сравнении различных видов источников. Нам представляется, что для изучения советской истории перспективным является синхронное изучение отдельных групп источников различных регионов СССР, специфики и общего в процессе их эволюции. К примеру, можно сравнить эволюцию и особенности формирования и функционирования документов местных партийных органов, деловой переписки, периодической печатной

ти, материалов по реализации экономической политики центрального руководства и проч. на Ставрополье и в Витебской области.

Среди такого вида источников по местной истории как делопроизводственная документация мы особое внимание обратили на ставшую очень популярной в научном сообществе историков группу заявлений и обращений граждан во власть. Несмотря на идеологическую или техническую унифицированность этих источников на всей территории Советского Союза, систематический и глубокий сравнительный анализ сопоставимых источниковых блоков смешанным коллективом регионов и стран поможет выявить уникальность и общие принципы их формирования.

Следует согласиться с тем, что заявления граждан в инстанции разных уровней партийно-государственной власти не представляют собой документов личного происхождения, в которых отражен внутренний мир конкретной личности, ее отношение к миру, к власти, к социуму [2, с. 403–404]. Заметим, что все разнообразие подобных обращений можно разделить на три подвиды. Во-первых, это коллективные обращения в поддержку курса партии, инициируемые местной властью. Их язык, стиль основные идеи отражают политико-идеологические шаблоны данного периода (Сталин, Хрущев, Брежнев, Андропов). Эти источники представляют собой искусственную модель общественного мнения, угодного властным структурам, и в них нет ни исторической, ни региональной специфики.

Вторая разновидность обращений во власть – заявления о приеме на работу и о предоставлении тех или иных социальных льгот: материальной помощи, санаторного лечения, жилья и т.д. Здесь унификации подверглась форма обращения, а личностное начало видно только по опискам и уровню грамотности заявителя. В то же время наряду с принятым трафаретом в таких заявлениях есть и личностная информация – мотивы обращения, обстоятельства дела, изложенные в свободной манере, и в этой манере, равно как и в самой информации раскрываются типичность и уникальность советской повседневности. Наконец, третья группа заявлений может быть кратко охарактеризована как жанр жалоб. Пожалуй, этот подвид наиболее свободен от стереотипов и наиболее откровенно отражает характер и эмоции человека.

Обратимся к первому подвиду обращений граждан в различные органы партийно-государственной власти. При проведении анализа подобных источников проявляются несколько мотивов авторов этих писем. Во-первых, в ряде случаев – это инструмент их самозащиты путем демонстрации собственной благонадежности по отношению к властным структурам. К примеру, после того, как 16 июня 1950 г. был проведен выпуск 11 учащихся Ставропольской духовной семинарии, ректор протоиерей И. Богданович через три дня обратился с благодарственным письмом к уполномоченному Совета по делам РПЦ при Совете Министров СССР по Ставропольскому краю Н.А. Чудину. В глаза бросаются слова, подчеркивающие почтительность отправителя письма к адресату с помощью прописных букв «УПОЛНОМОЧЕННЫЙ», «ВАМ..., ВАШЕЙ..., ВАМИ», «ГЛУБОКОУВАЖАЕМЫЙ НИКИТА АНТОНОВИЧ». Безусловно, в этом отражается традиция официальных посланий не только клира снизу вверх, но и привычная риторика снизу доверху в вертикали власти. Это также отражает реальные взаимоотношения государства и Церкви, когда за декларацией об отделении Церкви от государства скрывалась жесткая зависимость конфессии от государственно-партийной власти. Мы видим в этом послании, что местный уполномоченный, наряду с руководством епископства и центральным руководством РПЦ, был вышестоящим начальствующим лицом для епархиального начальства. Кроме того, благодарность в превосходной степени в адрес Н.А. Чудина преследовала и практическую цель. Адресант благодарил его за внимание к организации и работе семинарии на протяжении четырех лет. Здесь упоминалось и участие уполномоченного в обеспечении семинаристов продуктами в голодные годы (!) и в деле освобождения семинаристов от военной службы на период учебы [1, с. 358–359]. Можно утверждать, что такая предметная благодарность таила в себе надежду на дальнейшую поддержку Ставропольской епархии местной властью.

Примером обращения ставропольчан в рамках модели общественного мнения, сконструированного властью, могут быть два коллективных письма – с фронта и на фронт. После получения подарков и писем от земляков, организованных Ставропольским крайкомом ВКП(б), командование и партийная организация 53 дивизии 3-его кавалерийского корпуса Л.М. Доватора организовали коллективный ответ «бойцов, командиров и политработников» в октябре 1941 г. [3, с. 379]. Обращают на себя внимание адресант и адресат, которые являются коллективными или представителями высшей региональной власти. Лексика представляет собой шаблон пропагандистской литературы и

газет: «славным сынам нашего великого народа», «в борьбе с проклятым коварным зверем», «пламя войны приближается к границам вашего края». Все это свидетельствует о том, что модель массового сознания конструировалась официальной властью. Вместе с тем, надо помнить, что в этой экстремальной ситуации первых месяцев войны интересы общества и власти совпали. Правда, в массовом сознании был не этот ходульный дискурс, а образы, связанные с личными тревогами работниками, о чем свидетельствуют личные письма фронтовиков.

Идентично этому письмо делегации ставропольчан бойцам 56-й кавалерийской дивизии. Та же персональная анонимность акторов данной коммуникации, та же трансформация письма в агитационный текст через публикацию во фронтовой газете «Красный кавалерист на фронте» [3, с. 380–381]. Риторика аналогична коллективному письму с фронта: «Мы знаем – наша родная Красная Армия под руководством товарища Сталина победит». Эти письма объединяет также утверждение о неизбежности нашей победы, которое не ограничивается последними призывами, характерными для официальных обращений к народу, но эта уверенность наполняла тексты от начала до конца.

Подобные обращения во власть часто были связаны с каким-либо массовым мероприятием: собранием, конференцией. Так, митинг в Элисте по случаю реорганизации Калмыцкой автономной области в автономную республику завершился обращением участников митинга. В письме выражалась благодарность Ставропольским крайкому и крайисполкому за помощь после восстановления государственности в 1957 г. [1, с. 532]. Ему присущи те же стилистика и фразеология: «братская помощь», «дружная семья многонационального советского народа», «Да здравствует Коммунистическая партия Советского Союза». Подобные письма, как, впрочем, и предыдущие, содержали рапорт о проделанной работе, чтобы публично сконструировать примеры единства власти и народа.

Совсем другой является природа тоже коллективных обращений во власть с просьбой о помощи или с инициативой. Эти деловые письма позволяют выявить реальные общественные нужды и горизонт ожидания различных социальных слоев как на общесоюзном, так и на региональном уровнях. Таково письмо представителей интеллигенции Ставрополя секретарю крайкома о необходимости открытия музея Н.А. Ярошенко в Кисловодске [1, с. 430–432]. Конечно, среди аргументов авторов есть и необходимые атрибуты советского социального поведения: «В.И. Ленин, любивший и высоко ценивший произведения художника Ярошенко...». Это необходимо было для достижения цели – сохранить бесценный художественный объект: домик художника, который может быть утерян безвозвратно, и его картины.

Подробное описание плачевного состояния здания, равнодушие местного исполкома по этому вопросу раскрывают и повседневность курортного городка начала 1950-х гг., и характер отношений интеллигенции с городскими чиновниками. Сквозь официальную просьбу просматриваются истинные чувства, когда составители письма обращаются с «чувством внутреннего побуждения». Здесь аргументы фактологичны и убедительны. Исследователь может проследить и ряд тенденций в новейшей истории региона. Например, оказывается, что отделения творческих союзов и художественный фонд в 1950-е гг. находились не в краевом центре, а на Кавказских Минеральных Водах, которые позиционировались как культурный центр Ставрополя. Кроме того, в комментариях мы находим дату начала работ по реконструкции домика Ярошенко – конец 1960 г., решение горисполкома принято в 1948 г., а письмо было написано в январе 1954 г. Это свидетельствует о неповоротливости местного городского управления, активизировавшегося только в эпоху «оттепели».

Типичными были обращения в местные органы власти по личным нуждам. В этих письмах, несмотря на типичность просьб, выявляется эго-история, своеобразие образов в массовом и индивидуальном сознании. Например, в заявлении 1964 г. персонального пенсионера, работавшего в Ставрополе, в Институте вакцин и сывороток, содержится просьба выдать льготную путевку в санаторий Ессентуков [1, с. 516]. Мы здесь видим развернутую историю болезни заявителя, систему социальных льгот, существовавшую на предприятиях: «Местком института плановую путевку мне дать не может», т.к. заявитель работает здесь недавно. Выясняется уровень жизни пенсионера, размер его пенсии. Важны оговорки в заявлении. Автор считает себя участником трех войн, включая войну с Польшей 1939 г. Таким образом, присоединение западных территорий 1939-1940 гг. воспринимается его рядовым участником как война и дает представление о «добровольном» присоединении.

Обращения по поводу материальной помощи в той или иной форме особенно характерны для второй половины 1950-х гг. В конце 1957 г. в один из сельских райисполкомов Ставропольского края поступило заявление крестьянки с просьбой освободить ее от сельхозналога [1, с. 463]. В январе 1958 г. было принято положительное решение. Причина этому – социальный статус заявительницы, а уж потом ее материальное положение. Она вдова погибшего на фронте. Ее сын на тот момент служил в армии, а дочь училась в техникуме. Отсутствие подсобного хозяйства и разваленная хата были вторичными предпосылками.

Особого аналитического разбора требуют прямые жалобы во власть, которые отражают и судьбы отдельных людей, и их встроенность (или невстроенность) в политические, материальные и социальные реалии времени, и конкретную действительность местного сообщества, и меркантильный интерес. Примером этому может служить объемная жалоба горожан о нарушениях торговли в Ставропольском универмаге [1, с. 468–470]. Здесь мы находим и особенности потребления в советском обществе, и свидетельства дефицита промышленных товаров. Однако в таких жалобах много опосредованной информации, связанной с природой «блата» и одновременно с ростом материального благосостояния граждан в эти годы, и с тягой семей учить своих детей музыке не только в среде элиты, но и, к примеру, у бурильщика. Интересно, что жалоба пошла в разные инстанции, и нерадивые и грубые работники были наказаны.

Подводя итоги анализа обращений во власть, необходимо отметить многообразие этих источников, связанное с разнообразием мотивов, а значит, и социальных функций данных документов. Следует также в полной мере оценить значимость подобных источников для исследований не только по истории повседневности, но и по исторической антропологии, интеллектуальной истории, социальной и новой локальной истории.

1. Голоса из провинции: жители Ставрополя в 1941–1964 годах : сб. док. / науч. ред. Т.А. Булыгина. – Ставрополь : Комитет Ставропольского края по делам архивов, 2011. – 696 с.
2. Источниковедение : учеб. пособие / И.Н. Данилевский, Д.А. Добровольский, Р.Б. Казаков, С.И. Маловичко, М.Ф. Румянцева, О.И. Хоруженко, Е.Н. Швейковская ; отв. ред. М.Ф. Румянцева ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. – 685, [3] с.
3. Ставрополье: правда военных лет. Великая Отечественная в документах и исследованиях / науч. ред. Т.А. Булыгина. – Ставрополь : Комитет Ставропольского края по делам архивов, 2005 – 608 с.

Никитина Н.Ю.

КНИГА ПРИКАЗОВ ДАУГАВПИЛССКОГО ТЕХНИКУМА ЛАТВИЙСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ (1944–1945 гг.) КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Первостепенной задачей любого историка является отбор источников, которые он может использовать в своей работе. Иногда исследователю приходится пересмотреть горы архивных материалов, чтобы по крупницам собрать необходимую ему информацию. Ведь как отмечает исследователь А.К. Соколов: «Большинство материалов, которые поступают в архивы, представляют собой заботу государства о самом себе, о своей истории, а не историю общества, в котором мы живём, и историк, обращаясь к ним, зачастую оказывается в роли чужака в чужой стране» [3, с. 65]. В данной ситуации большой удачей для исследователя является нахождение источника, обладающего высокой информационной насыщенностью. В этой связи необходимо отметить, что вопрос об извлечении максимального объёма информации из исторического источника, особенно актуален в современном источниковедении [1, 2].

Среди разнообразных исторических источников был выделен один – книга приказов Даугавпилсского техникума Латвийской железной дороги 1944–1945 гг. – с целью определить его информационный потенциал.

На сегодняшний день техникум – второе по величине профессиональное учебное заведение в Латвии – выпускает специалистов как для железной дороги, так и для других сфер экономики. О значимости этого учебного заведения свидетельствует тот факт, что, какие бы политические катаклизмы не происходили в Латвии, техникум вот уже на протяжении почти ста лет продолжает свою работу. Техникум подготавливал специалистов и в годы немецкой оккупации [5]. История техникума до сего дня оставалась вне сферы интересов историков. Работа по реконструкции истории техникума этого периода предполагает обращение к архивным материалам, значимое место среди них занимает книга приказов 1944–1945 гг. Архивное дело находится в